

УДК 328.3

DOI: 10.31857/S2686673022030038

Подходы США к сдерживанию Китая

Д.Б. Графов

Институт востоковедения РАН

Российская Федерация, 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7334-5398> e-mail: graftvc@mail.ru

Резюме. В статье рассматриваются перспективы противостояния США и КНР с точки зрения возможностей американских властей ослабить КНР, остановить её возвышение в экономическом, технологическом и военном отношении. Анализируются следующие возможности: ослабление экономики через лишение доступа на рынки, ограничение доступа к сырью и энергоресурсам, изоляция от новых технологий, ослабление военного потенциала через создание враждебных коалиций, проекция военной силы США, создание внутренних проблем в авторитарном режиме. С другой стороны, рассматриваются возможности КНР противостоять США, экономические, технологические, геополитические уязвимости, мотивы поставленной цели – "великой мечты о возрождении китайской нации". Автор приходит к выводу, что экономическая (торговая) война серьёзно не ослабит Китай, если только Вашингтон не втянет Пекин в военный конфликт и не затормозит китайскую экономику с помощью санкций, блокады поставок сырья и критических компонентов. Однако прямое столкновение грозит непредвиденными последствиями для США. Американские военные операции могут быть эффективны лишь до границ континентального Китая. В уязвимом положении Китайская Народная Республика окажется при попытке атаковать Тайвань. Эффективной стратегией Вашингтона будет перенапряжение сил Китая в конфликте с соседями по Индо-Тихоокеанскому региону и изоляция от ключевых торговых партнёров. Однако пока нет ответа на вопрос, как далеко в Вашингтоне готовы зайти в случае ширококомасштабного конфликта с Пекином.

Ключевые слова: США, КНР, торговая война, дилемма безопасности, АУКУС, «четвёрка» (QUAD)

Для цитирования: Графов Д.Б. Подходы США к сдерживанию Китая. *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2022; 52 (3) 41-60.

DOI: 10.31857/S2686673022030038

The U.S. Approaches to Deter China

Dmitry B. Grafov

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences

12, Rozdestvenka st., Moscow, 107031 Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7334-5398> e-mail: graftvc@mail.ru

Abstract. The Article focuses on the problem of countering China by the U.S. in geopolitical, economic, technological and military dimensions. The China's demands to play more of a global leadership role may be limited by weakening the drivers of China's growing power. The U.S.-China relations have quickly shifted from disengagement to the growing battle for global

economic and technological dominance. The author tries to assess the possibility and results of China's isolation from the American and some world markets, as well as other countermeasures such as blocking the energy supplies, advanced technologies with significant military and commercial implications, military pressure by creating new alliances, helping China's competitors and assistance to the internal Chinese opposition. On the other hand, the effectiveness of US deterrence depends not only on the resilience of China's economy and the stability of the political system, but also on political goals. The pursuit of global governance is part of the program promises of the Communist Party leaders to achieve the «The two hundred years goal» and «The dream of the great rejuvenation of the Chinese nation». These goals are not vital, but ideological.

The main conclusions of the analysis are as follows. The U.S. can't weaken Chinese power seriously except driving to serious military conflict with Taiwan or India and imposing economic sanctions. Local clashes around the Spratly Islands will lead to a temporary success of the United States. China has the ability to mobilize more military resources on the coastal line of the South China Sea. Washington's effective strategy will be to overexert Beijing's forces in the conflict with its neighbors in the Indo-Pacific region and isolate Chinese economy from key trading partners. But the question arises about the cost of counteraction for Washington. There is no answer to the question of how far the United States is ready to go in the event of a large-scale battle.

Keywords: U.S., China, Trade war, Security dilemma, AUKUS, QUAD

For citing: Grafov D.B. The U.S. Approaches of Deterring the Growing China. USA & Canada: Economics, Politics, Culture 2022; 52 (3) 00-00. DOI: 10.31857/S2686673022030038

ВВЕДЕНИЕ

Противостояние США и КНР представляет интерес не только с точки зрения классических подходов международных отношений – как спор между наступательным и оборонительным реализмом, но и как выбор конкретных инструментов сдерживания и эффективных контрмер. При администрации Д. Трампа и транзите власти к администрации Дж. Байдена американо-китайские отношения перешли от «разъединения» (размежевания) к новой реальности – второй холодной войне. Изучению различных аспектов нового качества противостояния посвятили свои работы А.Ф. Клименко [Клименко А.Ф., 2021], С.М. Труш [Труш С.М., 2020]. Различные подходы в американском политическом классе к сдерживанию Китая изучали А. Бочарова и В.О. Козлов [Бочарова А., Козлов В.О., 2021], возможность силовых сценариев рассматривали китайские [Юй Чжочао, 2021] и американские [Hanania R., 2020] специалисты. В данной работе делается попытка комплексного подхода к проблеме сдерживания КНР как арсеналу внешнеполитических, экономических, силовых и других средств, которыми располагает американская сторона для гибридного использования.

Администрация Дж. Байдена говорит не о смене курса в отношении Пекина, а лишь об исправлении ошибок Д. Трампа в выстраивании отношений с союзниками. Президент Байден заявил, что США и их союзники оказались в ситуации «долгосрочного стратегического состязания», перед необходимостью отбросить

КНР назад [1]. В марте 2021 г. госсекретарь Э. Блинкен во время визита в Японию обвинил Пекин «в принуждении и агрессии», атаке на «демократию и автономию Гонконга и Тайваня», в нарушении прав человека в Синьцзяне и Тибете, территориальных претензиях в Южно-Китайском море. Министр обороны США Л. Остин посетовал, что в течение последних двух десятилетий, «пока США занимались проблемами на Ближнем Востоке, Китай модернизировал свои вооружённые силы <...> и теперь является растущей угрозой, которую американские вооружённые силы будут сдерживать» [2]. Глава КНР и лидер Компартии Си Цзиньпин получил ярлык «проводника обанкротившейся тоталитарной идеологии» вместо президента КНР (как обычно его именовали американские официальные лица и СМИ) [3]; то, что в Вашингтоне называют «ревизионистской силой», китайское руководство называет «ключевой ролью внешней политики КНР по отношению к соседним странам» в осуществлении китайской цели «Двух столетий» и «Великой китайской мечты о возрождении китайской нации». Можно понимать эти установки как пропагандистский инструмент, можно – как желание преодолеть крах имперского Китая в 1800-х и начале 1900-х годов и вернуться к китаецентричному мировому порядку, существовавшему в представлении китайских императоров на протяжении двух тысяч лет [4].

Комитет по разведке Палаты представителей Конгресса США пришёл к выводу, что Китай стремится пересмотреть международный порядок таким образом, чтобы это отвечало его собственным стратегическим интересам и подрывало интересы США. Вооружённые силы КНР перешли от модернизации к конкуренции. Создаётся океанский флот «голубой воды», разрабатывается гиперзвуковое оружие, истребители пятого поколения. Для укрепления своих притязаний Пекином размещаются вооружения на Парасельских островах и архипелаге Спратли в Южно-Китайском море, строится первая военная база за рубежом в Джибути. Успехи в технологиях применяются властями КНР для создания цифрового авторитаризма. Пекин использовал последние два десятилетия, чтобы отобрать у США позицию ведущей державы мира. Подъём Китая застал Запад врасплох. «В 1990-е и 2000-е годы на Западе был консенсус в отношении модернизации и либерализации Китая. Мировые лидеры убедили себя в том, что руководство Пекина извлекло правильные уроки из жёсткой международной реакции на разгон протестов на площади Тяньаньмэнь» [5]. В подписанном президентом Дж. Байденом документе «Промежуточное стратегическое руководство по национальной безопасности» (*Interim National Security Strategic Guide*) отмечается рост «напористости» Пекина. КНР названа «единственным конкурентом, потенциально способным объединить свою экономическую, дипломатическую, военную и технологическую мощь для создания вызова международной системе» [6]. Россия в числе главных угроз следует за КНР.

В американском экспертном сообществе нет однозначного ответа на вопрос, почему США стали утрачивать лидерство и оказались перед китайской угрозой. Специалисты Брукингского института полагают, что в 1990-е и 2000-е годы позитивные элементы международного порядка взаимно усиливали друг друга, но

затем они смешались, способствовали нестабильности. Огромное значение приобрели технологии, разрушительное воздействие которых позволяет бросать вызов США в Восточной Азии, Европе и на Ближнем Востоке [Chollet D. et al, 2017]. Российская угроза в Европе оценивается, как стремление в одностороннем порядке установить свои сферы влияния, допуская при этом сферы влияния крупных держав в других регионах при примерно равном праве голоса в глобальных вопросах. Китайское руководство претендует на большее. В одностороннем порядке оно стремится изменить глобальный порядок в целом, меняет статус-кво в морской сфере, лишает США контролирующих позиций и выгод, извлекаемых из международного экономического порядка.

Теоретически, сдерживание КНР можно обеспечить следующими средствами: 1. Ослабление экономической мощи через санкции, лишение доступа на мировые рынки, ограничение поставок сырья и энергоресурсов; 2. Изоляция от новых технологий; 3. Ослабление военного потенциала через создание враждебных коалиций и укрепление конкурентов в Индо-Тихоокеанском регионе. 4. Прямая проекция военной силы США. 5. Создание внутренних проблем в авторитарном режиме, смена политического руководства и внешнеполитического курса.

ТОРГОВАЯ ВОЙНА

Сдерживание КНР в 2017–2020 гг. началось с торговой войны. Президент Д. Трамп использовал её и во внутриполитических целях, обещая остановить выкачивание средств из США через торговый дефицит и скупку на эти средства американских высокотехнологических компаний. Вашингтон и раньше пытался ограничивать доступ некоторых китайских товаров на свой рынок. Однако торговая война, начатая Д. Трампом, имела другие масштабы и цели. Сначала были введены тарифы на сталь, алюминий, стиральные машины и солнечные батареи. Дополнительной пошлиной в размере около 60 млрд долл. были обложены более 1300 категорий китайского импорта: запчасти, аккумуляторы, телевизоры, медицинские приборы [7]. В ответ Китай установил повышенные тарифы на 128 американских товаров, в том числе на самолёты, автомобили, стальные трубы, свинину, соевые бобы. Когда в Пекине озвучили планы обложить ещё 106 товарных групп дополнительно на 25%, Д. Трамп пообещал ответить увеличением таможенных пошлин на 100 млрд долларов [8].

Китайские власти согласились сократить торговый профицит с США, увеличив закупки американских товаров [9]. Но это была попытка потянуть время, навязав Вашингтону жёсткий торг. Стороны продолжали поднимать ставки, каждая объявила об изъятии через пошлины на 16 млрд долл., подняв тарифы до 25% по новым товарным группам. В сентябре 2018 г. американский 10%-ый тариф на 200 млрд долл. вступил в силу, и было обещано увеличить его до 25% к концу года. Китай ответил 10%-ми пошлинами на 60 млрд долл. На тот момент тарифные изъятия на американские товары составили 110 млрд долл., пошлины уже охватили большую часть американского импорта [10]. К концу 2018 г. та-

рифная война затормозилась. Многие американские компании, имевшие производство в КНР, и держатели их акций выступили «китайскими лоббистами», пытаясь ослабить позицию администрации в споре с Пекином. США объявили трехмесячную паузу для переговоров, пригрозив в случае их неудачи поднять тарифы на китайский импорт с 10 до 25%.

Тарифная война не принесла победы США в 2018 г. Торговый дефицит с КНР увеличился с 375 млрд в 2017 г. до приблизительно 420 млрд долл. [11]. То есть Пекину удалось нанести больший ущерб американскому экспорту, чем США китайскому. По данным КНР, дефицит увеличился с 270 млрд до 320 млрд долл., что объясняется желанием американского бизнеса не указывать китайское происхождение товаров. [12]. После встречи Д. Трампа и Си Цзиньпина в июне 2018 г. на саммите Группы двадцати (G20) переговоры возобновились. В конце 2019 г. торговая война завершилась «торговой сделкой первой фазы». США ввели тарифы на китайские товары стоимостью 360 млрд, а Китай на американские – более чем на 110 млрд, но согласился закупить сельхозпродукцию на 80 млрд долл. в течение 2020 и 2021 гг. В результате торговый дефицит США с КНР сократился в 2019 г., но в 2020 г. снова вернулся к уровню, существовавшему до 2018 года [13]. По итогам 2019 г. экономика КНР выросла на 6,1%, что является самым малым показателем за 29 лет (в 2018 г. рост составил 6,6%) [14].

Нельзя сделать однозначный вывод о том, что замедление роста было результатом только торговой войны. Но в любом случае снижение роста китайской экономики на 0,5% от заградительных тарифов США при общем росте в 6% это не то, что может сыграть заметную роль в ослаблении КНР. В свою очередь от войны пострадали американские потребители, лишившиеся дешёвых товаров. Многие производители из США потеряли долю на рынке КНР. Например, по мере сокращения экспорта американской пшеницы, в 2 раза вырос экспорт канадской пшеницы в Китай. Хотя у КНР нет недостатка в собственных финансовых ресурсах, как меру экономического давления можно рассматривать указ Д. Трампа, запрещавший американцам инвестировать в акции компаний, связанных с китайскими ВПК и армией. Нью-Йоркская фондовая биржа объявила, что исключит из котировок акции компаний «Чайна мобил» (*China Mobile*), «Чайна телеком» (*China Telecom*) и «Чайна юником» (*China Unicom*). По китайским оценкам, при наихудшем сценарии торговой войны с США страна может лишиться 1% ВВП, что не станет проблемой [Chong T.T.L. & Li X., 2019].

Администрация Дж. Байдена не отказалась от «торговой сделки Трампа», хотя Китай не выполнил всех условий. Ещё в 2019 г. были предложены стратегии «защиты процветания и безопасности США путём перехода к частичному экономическому отделению от Китая». В их числе: 1) совмещение ограничений на китайский импорт с договорённостями в чувствительных статьях экспорта и импорта, чтобы снизить издержки для американских потребителей и производителей; 2) снижение уязвимости к утечкам технологий, в том числе через китайские инвестиции в США; 3) укрепление экономических и дипломатических отношений, а также обмен информацией с ключевыми союзниками. При даль-

нейшем ухудшении отношений уязвимостью США становятся цепочки поставок критической продукции из Китая.

БОРЬБА С УТЕЧКОЙ ТЕХНОЛОГИЙ

Трансферт технологий связан не только с заимствованием или хищением ноу-хау, но и с внедрением различных китайских агентов (частных лиц, бизнесов, государственных структур). Доступ к американским ноу-хау КНР получает через инвестиции своих компаний в американский бизнес. США оценивают стоимость украденных коммерческих секретов от 200 до 600 млрд долл. в год [15].

В 2021 г. в США принят закон «Об инновациях и конкуренции» (*The United States Innovation and Competition Act of 2021*), предусматривающий выделение 110 млрд долл. на фундаментальные и технологические исследования в области искусственного интеллекта, полупроводников, квантовых вычислений, передовых коммуникаций, биотехнологий и энергетики с тем, чтобы заместить китайские звенья в цепочках поставок. Кроме десяти региональных технологических центров должна появиться программа реагирования на кризисные ситуации в цепочке поставок. При этом прямо говорится, что закон должен ответить на опасения США по поводу холодной войны с Китаем [16].

Наиболее известной подозрениями в шпионаже стала компания «Хуавэй» (*Huawei*). Ещё Д. Трамп подписал исполнительный указ №13873, включив китайский телекоммуникационный гигант в чёрный список Министерства торговли США. Американским компаниям запрещалось продавать «Хуавэй» детали и компоненты без специального разрешения, а также подключать её оборудование к сетям США. Аналогичным ограничениям подверглись ещё восемь высокотехнологичных компаний [17]. Затем чёрный список был расширен более чем до 60 китайских компаний и организаций. Закупка ими определённых американских компонентов без лицензии Министерства торговли США становилась невозможна. В этом списке оказался и крупнейший китайский производитель микросхем – Международная корпорация по производству полупроводников (*Semiconductor Manufacturing International*).

Борясь с утечками технологий через академические связи, американские спецслужбы настояли на усилении визовых ограничений для студентов и учёных из КНР [18]. Кроме того, из проживающих в США около 5 млн выходцев из Китая, многие посещают историческую родину или к ним из Китая приезжают родственники, что также облегчает утечку секретов. Поддержание связей соотечественников с исторической родиной возведено Пекином в ранг государственной программы.

Действующая в США Комиссия по контролю американско-китайских отношений в области экономики и безопасности подготовила свои предложения [19]. Предполагается усилить давление на Пекин в отношении доступа к китайскому рынку и паритета в регулировании, трансграничном переводе капитала и защите интеллектуальной собственности. Должен быть ужесточён контроль за про-

никновением на американский рынок китайских государственных экономических агентов под видом частных лиц, а также компаний, которые получают финансовую поддержку от китайского правительства. Федеральная торговая комиссия (FTC) потребует от компаний отчёт о госсубсидиях при прохождении предварительной регистрации¹. Комиссия предложила перекрыть утечку фундаментальных исследований через «программы набора талантов» и конкурсы «стартапов», финансируемых китайским правительством, а также отказывать в визах китайским студентам, получающим государственные стипендии на условиях использования полученной научной и технологической информации по возвращении на родину. Будут прекращены и отношения с университетами, которые правительство США считает участниками китайской «военно-гражданской интеграции».

Как внутреннюю угрозу США рассматривают интерес КНР к медицинским и биотехнологиям. Деятельность китайских компаний в этой области на американском рынке поставлена под жёсткий контроль. Упомянутая выше Комиссия по контролю американо-китайских отношений в области экономики и безопасности предлагает новый «Манхэттенский проект», цель которого – обеспечить американцев безопасными лекарствами и медицинским оборудованием национальных производителей или стран-союзников. Особое внимание уделяется стратегическим целям КНР в Африке, а также возможностям использовать африканские страны для обхода торговых ограничений США. То же касается Гонконга, который Пекин использует для уклонения от мер торговой защиты США. В 2011 г. «поправка Вольфа» (*Wolf Amendment*) запретила Американскому космическому агентству (*NASA*) из-за опасений шпионажа допускать китайских специалистов на его объекты [20], так как информация, предоставленная Китаю американскими производителями коммерческих спутников при запуске их китайскими носителями, может быть использована для совершенствования китайской технологии межконтинентальных баллистических ракет. Однако Пентагон и Совет национальной безопасности констатировали, что даже при 100%-ом экспортном контроле со стороны США, Китай всё равно может получить доступ к аналогичным технологиям из Европы и Японии [Foot R. & King A., 2019].

В 2018 г. Минюстиция США разработало Китайскую инициативу» по «борьбе с экономическим шпионажем» [21]. Было предложено применять закон «О регистрации иностранных агентов» к лицам, стремящимся действовать в интересах Китая, принять закон «О риске иностранных инвестиций» (*H.R.5841 Foreign Investment Risk Review Modernization Act*), а также использовать закон «О коррупции за рубежом» (*Foreign Corrupt Practices Act*) для борьбы с утечкой в КНР технологий за границами США.

¹ Если FTC обнаружит, что госсубсидии выделены с целью заключения сделки, то сделка будет запрещена в соответствии с разделом 7 «Закона Клейтона» (о защите конкуренции). Если трансферт технологий совершается в интересах государства, за это последуют санкции, как в отношении дочерних, так и материнских китайских компаний и их руководителей.

Результаты расследования торговой активности КНР, о которых в марте 2018 г. объявило Торговое представительство США, выявило подозрительную практику «инвестиций» и поощрение несанкционированных компьютерных вторжений. Китайский бизнесмен Су Бинь был приговорён федеральным судом США к 46 месяцам заключения за помощь в киберкраже информации об истребителях пятого поколения *F-22* и *F-35 Lightning II*, которая была использована КНР при строительстве собственного стелс-истребителя *J-20* [22].

В июне 2018 г. Управление по торговой и производственной политике Белого дома опубликовало доклад «Как экономическая агрессия Китая угрожает технологиям и интеллектуальной собственности США», выделив в нём стратегии и практики, которые использует китайская сторона для завоевания экономического превосходства. Это: 1) защита рынка КНР от импорта и конкуренции с помощью высоких тарифов, нетарифных барьеров и других ограничений через регулирование; 2) расширение доли Китая на мировых рынках; 3) контроль стратегических природных ресурсов в развивающихся странах через хищническую модель экономического развития и «долговую ловушку» чему способствуют, как отмечалось в докладе, действия китайского персонала, участвующего в операциях ООН по поддержанию мира и по сути обслуживающего интересы Пекина; 4) попытки корпораций КНР доминировать в традиционных отраслях промышленности через получение доступа к интеллектуальной собственности [23].

ВОЕННОЕ СДЕРЖИВАНИЕ

Со времени объявления президентом Б. Обамой (2009–2017) «разворота в сторону Азии» и объявления Юго-Восточной Азии центром геостратегических интересов США Вашингтон стал делать ставку на сдерживание КНР через поддержку её соседей, имеющих с ней противоречия. США значительно улучшили отношения с Индией, Вьетнамом, поддержали Филиппины и другие государства, оспаривающие претензии Пекина на острова в Южно-Китайском море. Пришедшая к власти в январе 2021 г. администрация Дж. Байдена продолжает движение в том же направлении, которое ещё госсекретарь в администрации Г. Трумэна (1945–1953) Дин Ачесон называл «ситуацией силы» для борьбы с угрозами – привлекать страны, имеющие общего с США врага [24]. На сегодняшний день прочные военно-стратегические отношения в ИТР, которые также могут быть использованы против КНР, Вашингтон имеет с Японией, Южной Кореей, Индией и Австралией. Не будет преувеличением утверждать, что Пекин не располагает надёжными союзниками в Юго-Восточной Азии. Даже Северокорейский режим нельзя назвать больше, чем идеологически близким.

Сдерживание КНР в первую очередь через конфликты с соседями отсылает к «стратегии цепочки островов», предложенной ещё в 1951 г. госсекретарем Дж. Ф. Даллесом во время Корейской войны [Umetsu H., 1996]. Первая линия сдерживания тянулась от юга Японии через Тайвань, западное побережье Филиппин, Борнео, острова Спратли к южной оконечности Вьетнама. Вторая – от

Японии через Гуам, Каролинские острова к Новой Гвинее. Третья цепь – от Алеутских островов на юг, через центр Тихого океана в сторону Океании, через Гавайские острова, Американское Самоа и Фиджи и замыкалась на Новой Зеландии. Австралия выступала связующим звеном между второй и третьей линиями. По сути, это были линии базирования американских сил и ограничения доступа КНР и СССР к морским путям.

Специалисты американского Центра стратегических и международных исследований (CSIS) предлагают добавить в современную стратегию четвёртую и пятую цепи островов в Индийском океане [Wilson V., 2020]. Мальдивы и Диего-Гарсия должны блокировать китайский путь «Нитки жемчуга» ближе к Персидскому заливу. Пятая линия идёт через Аденский залив, вокруг Африканского Рога и вдоль всего побережья Восточной Африки через пролив между Мозамбиком и Мадагаскаром, включая Коморские острова, в направлении Южной Африки, чтобы блокировать китайскую военно-морскую базу в Джибути и угрожать торговым сообщениям Китая с Африкой.

В современной ситуации Пекин рассматривает свою «стратегию цепочки островов», разработанную ещё в 2013 г. Первая линия китайской обороны практически совпадает с первой цепочкой островов в американской стратегии. Эта зона, в которой Китай должен обезопасить себя от американских баз, авианосных групп и развернуть свои силы для защиты от нападения. Первая линия должна гарантировать доступ КНР в западную часть Тихого океана. Не контролируя Тайвань, Китай не может гарантировать сообщение между Восточно- и Южно-Китайскими морями. Другое ключевое звено — Филиппины. За него идёт борьба между Пекином и Вашингтоном. Покорная реакция Манилы на развёртывание китайских баз на островах Спратли (Наньшачюньдао) облегчает Пекину контроль над Южно-Китайским морем и Малаккским проливом, чтобы обезопасить поставки нефти и газа из Персидского залива. Вторая линия в китайской доктрине пролегает от Алеутских островов на севере до Борнео на юге. Она должна создать дополнительную дугу безопасности для Жёлтого, Южно- и Восточно-Китайских морей.

Контроль Китаем «островных линий» связан с проектом «Морской Шёлковый путь XXI века» как части стратегической концепции «Один пояс — один путь». Первый морской маршрут проходит через Южно-Китайское море вдоль Индонезии в Южно-Тихоокеанский регион; второй ведёт от побережья Китая в Европу через Южно-Китайское море и Индийский океан. Сухопутная часть концепции «Один пояс — один путь» предусматривает создание трёх трансевразийских экономических коридоров: северного — через Центральную Азию и Россию, центрального — через Центральную и Переднюю Азию к Персидскому заливу и Средиземноморью; южного — через Южную Азию к Индийскому океану. Как видим, в Пекине ещё до серьёзной конфронтации с США в 2013 г. разработали множество альтернативных путей стратегических поставок [25].

Закон «О полномочиях национальной обороны» (NDAA) на 2021 фин. г. утвердил выделение Минобороны 27 млрд долл. на «Тихоокеанскую инициати-

ву сдерживания» (*Pacific Deterrence Initiative*). Она предполагает «развитие асимметричных возможностей для работы в зонах "ограничения доступа/отказа в доступе" (острова Спратли и Парасельские острова) в качестве важнейшего компонента сдерживания в Тихом океане». Средства пойдут на «разработку и закупку боеприпасов большой дальности, ударные платформы, гиперзвуковое оружие, программы сотрудничества в области безопасности с союзниками и партнерами, инновационные учения, более совершенные системы управления, связи, разведки и наблюдения», а также для «усиления безопасности киберпространства и коммуникаций военно-морского флота» [26:1]. Согласно «Тихоокеанской инициативе» будут разработаны новые способы ведения боевых действий как на случай непредвиденных обстоятельств, так и будущей войны. Ставка делается на изматывающую стратегию, чтобы принудить «к непропорциональным издержкам ... врагов, которые должны будут расширять свою оборону». В документе идёт речь о новых средствах десантирования и быстрого маневрирования на море и суше, что «обеспечивает плавный переход боевой мощи с моря на сушу» [26:6].

В американских документах «Национальная оборонная стратегия» и «Стратегия национальной безопасности» угрозы со стороны КНР и России располагаются на первом месте, за ними следуют угрозы от глобального терроризма, Северной Кореи и Ирана. В подготовленном Исследовательской службой Конгресса докладе подход к КНР сформулирован как «мир через силу», где под силой понимается летальность сдерживающего потенциала объединённых сил. В отличие от периода холодной войны с СССР (1946–1990 гг. – Д.Г.) объединённые силы должны действовать в спорных областях, не считаясь с объявленными Пекином зонами «ограничения доступа и манёвра» [27]. Подчёркиваются и другие отличия текущей ситуации от времён холодной войны. Это, в частности, недостаток финансирования военных программ и распространение технологий, которые позволяют бросить вызов США опасными инновационными способами. Ситуация называется «кризисом национальной безопасности», так как военное превосходство США больше не гарантировано, поскольку «преимущество Америки уменьшается или исчезло» в отношении многих ключевых технологий, которые лежат в основе военного превосходства. В качестве примера приводится китайская технология связи пятого поколения (5G), которая «может принести большие экономические, геополитические и военные выгоды Пекину — и столь же большие опасности для США» [27].

Авторы доклада характеризуют состояние американских вооружённых сил, как «стратегическое самодовольство», сложившееся в результате неоспоримого превосходства США после операций на Балканах, в Афганистане и Ираке, в которых противники не бросали вызов возможностям США, хотя Китай и Россия демонстрируют технологическое превосходство над некоторыми военными возможностями США. Отмечается усложнение задачи, если противник намеренно стирает границы между «обычным» и «нерегулярным» конфликтом, или между «гражданской» сферой и «военной», а в КНР власти целенаправленно ведут во-

енно-гражданскую интеграцию. Как следует из доклада, у военного руководства США нет ясного плана сдерживания КНР, нет планов кампаний на уровне театра военных действий, которые требуют установки стратегических целей на политическом уровне и увязки их с возможностями бюджета. Пока в Вашингтоне ориентируются на «сдерживание противника, тем самым, снижая вероятность конфликта» [27]. США будут продолжать патрулирование в зонах запрета доступа (острова Спратли и Парасельские), не уклоняясь от столкновения. Что делать после такого столкновения, ясности нет. Вопрос целеполагания – купировать угрозу или устранять – остаётся без ответа на политическом уровне. Пока лишь говорится о выстраивании отношений с позиции силы.

ОРГАНИЗАЦИЯ СОЮЗНИКОВ

«Тихоокеанская инициатива сдерживания» исходит из необходимости балансирования действий Китая через его противников и союзников США в Индо-Тихоокеанском регионе. Программы сотрудничества должны укрепить отношения, повысить слаженность вооружённых сил в совместных операциях с США [28:2]. В сентябре 2021 г. произошло политическое оформление Вашингтоном нового военно-политического альянса АУКУС (*AUKUS*) с Лондоном и Канберрой. Создание альянса поддержала Япония. В рамках совместной военной инфраструктуры Австралия отказалась от заказа дизельных подводных лодок во Франции в пользу американских атомных субмарин. Началась реконструкция австралийских баз ВВС в Ричмонде и Эмберли для приёма американских стратегических бомбардировщиков.

Индия – другой ключевой противник КНР – ещё в 2007 г. включена в так называемый стратегический четырёхсторонний диалог по безопасности (*QUAD - Quadrilateral Security Dialogue*) между Австралией, Индией, США и Японией. Долгое время он оставался формальным образованием, но в октябре 2017 г. тогдашний госсекретарь США М. Помпео назвал одну из целей этого блока – сдерживание Китая [29]. В 2018 г. Тихоокеанское командование ВС США было переименовано в Индо-Тихоокеанское, сфера ответственности стала включать Тихий и Индийский океаны. Вашингтону не составит труда подключить к одному из блоков Южную Корею. В числе прочих потенциальных и реальных союзников Вьетнам, Бруней, Малайзия, оспаривающие китайские претензии на острова Спратли вместе с Тайванем и Филиппинами.

Со своей стороны, Пекин может рассчитывать на Москву. По словам президента РФ В.В. Путина, создаваемая при помощи России система предупреждения о ракетном нападении кардинальным образом повысит обороноспособность КНР [30]. Появилось понятие «отложенный военный союз» (с РФ) [Клименко А.Ф., 2021]. Вторым существенным союзником КНР является Пакистан. Его официальные лица уже осудили создание блока АУКУС, назвав его проявлением мышления времён холодной войны [31]. Пакистан слабый союзник, его экономика меньше китайской почти в 40 раз, но он полезен для давления на

Индию. Россия может сыграть критическую роль в противостоянии КНР и США. Создание АУКУС уже поставило под вопрос поставки в Китай австралийского угля, доля которого в энергоснабжении КНР в 2020 г. составляла 57–59%, и подавляющая его часть идёт из Австралии [32]. Напряжённые торговые отношения у Китая также с Канадой. В этой ситуации Россия для КНР является единственным поставщиком энергоресурсов, на который США с трудом могут повлиять. Важным является и то, что и Евросоюз не видит в Китае военной угрозы непосредственно для себя [Труш С.М., 2020]. В конце 2020 г. Пекин мог записать в свой актив предварительное инвестиционное соглашение с ЕС, а также «Региональное всеобъемлющее экономическое партнёрство», подписанное с 14-ю азиатскими странами [33].

Эффективным рычагом сдерживания КНР может стать конфликт с одним из ближайших противников, поддержанный США. Более вероятен конфликт с Тайванем, менее вероятен – с Индией. Тайвань станет ещё одной точкой давления на Пекин.

КАК ВИДЯТ В США ВОЗМОЖНОСТИ И АМБИЦИИ КНР

Комиссия по контролю американо-китайских отношений в области экономики и безопасности рекомендует американским властям искать уязвимость в экономической системе КНР и создать Координационный центр экономических данных Китая (CEDCC) при Бюро экономического анализа Министерства торговли США для сбора и обобщения информации об экономическом состоянии Китая и поиска уязвимостей прежде всего в финансовой системе. США интересуют данные о составе теневого банковского активов и валютные резервы Китая. Очевидно, что главная уязвимость КНР находится именно в области экономики, особенно в поставках сырья и выходе на мировые рынки. Доступ к современным технологиям китайские компании могут получить в других странах. Даже без самых последних технологий военно-экономический потенциал КНР будет определяться низкой ценой и количеством, а не качеством.

Комитет по разведке Палаты представителей выпустил доклад, в котором признал неспособность спецслужб США в достаточной степени обеспечить Белый дом и Госдепартамент разведывательной информацией относительно угроз, исходящих от Китая [34]. Сбор информации на территории КНР осложняют технологии, используемые китайскими властями для контроля за гражданами: биометрические проверки на границе, геолокация сотовых телефонов, видеонаблюдение в общественных местах с технологией распознавания лиц. Указывается на утрату некоторых компетенций разведслужбами, так как в последние 20 лет они занимались в основном работой против террористов и угроз из стран Ближнего Востока. Американские спецслужбы испытывают затруднения с пониманием намерений, действий и вероятных планов Китая, в том числе из-за проблем с обработкой массивов данных. Но при этом они скептически оценивают возможность коллапса из-за экономических проблем по советскому сценарию. Высказываются опасения, что соперничество может привести к про-

счётам с обеих сторон и, в частности, дать Пекину ещё больше оснований пойти на «катастрофическое» упреждение, чтобы избежать поражения.

В американском экспертном сообществе относительно дальнейшего противостояния Вашингтона и Пекина обсуждается сценарий «ловушки Фукидида». Его сформулировал Г. Аллисон по аналогии с Пелопоннесской войной 431–404 гг. до н. э. в Древней Греции, описанной Фукидидом; в ней восходящая сила (Афины) бросает вызов доминирующей силе (Спарта). В мировой истории вызов реваншистской силы приводил к войне в 12 случаях из 16, в их числе вызов Германии британскому могуществу в Первой и Второй мировых войнах, а также в войне Японии против Российской империи в 1904–1905 гг. Аллисон утверждает, что Китай и США в настоящее время идут навстречу друг другу курсом войны [Allison G., 2017]. Но среди экспертов есть и другие точки зрения. Например, Р. Ханания из Колумбийского университета утверждает, что проблема «ловушки Фукидида» надумана. Амбиции Китая ограничиваются, прежде всего, борьбой с внутренними проблемами, и Китай не представляет значительной угрозы интересам США [35].

Внутренние проблемы Пекина прежде всего связаны с обоснованием легитимности власти КПК. Согласно решениям последних съездов КПК, её руководящая роль вытекает из концепции «Великой китайской мечты», частью которой является «Цель двух столетий», и эти цели в основном считаются в КПК достигнутыми [36].

Некоторые американские специалисты убеждены, что соперничество с США не является жизненно необходимым выбором для Пекина, а продиктовано внутренними идеологическими соображениями. Так, Р. Патнем считает, что руководство любой страны испытывает давление внутренних интересов, оглядывается на внутренние группы, в чьей поддержке правительство нуждается для обеспечения управления [Putnam R.D., 1988]. Однако после столкновения интересов и эскалации противостояния с внешним противником возникает известная в теории международных отношений «дилемма безопасности», когда одна сторона воспринимает наращивание мощи другой не как желание гарантированной безопасности, а как приготовление к нападению, что вызывает раскручивание спирали взаимной угрозы [Schweller R.L., 1996]. Чем большей безопасности добивается для себя одно государство, тем меньше её остаётся у другого, тем сильнее сторона, ощущающая угрозу, готова на превентивные действия. В реальной политике игроки ищут оптимум в сохранении баланса сил с соседними государствами (также за их счёт), предпочитая баланс между нападением и обороной [Snyder J.L., 1991].

Действительно, Китай мало заинтересован в войне с США, так как большая часть его мощи основана на симбиозе с американской экономикой и экономикой Запада вообще. Этот симбиоз будет ещё долго нужен Пекину для экономического и технологического паразитирования. Скептические оценки «ловушки Фукидида» многие специалисты основывают именно на экономической уязвимости Китая [Peters M.A. et al, 2020]. Достаточно сказать, что для КНР критиче-

ское значение имеют не только поставки энергоресурсов, но и продуктов питания и даже процессоров, поскольку более половины мирового объёма производства чипсетов (56%) приходится на долю «Тайвань семикондактор мэнюфэчуринг Ко.» (*Taiwan Semiconductor Manufacturing Co.*), второе место в мире (9,4%) у американской «Глобл фаундрис» (*Global Foundries*), третье (8,5%) – опять у тайваньской корпорации «Юнайтед микроэлектроникс» (*United Microelectronics Corporation*) [37]. В 2020 г. тайваньская TSMC также лидировала (55,6%), а на второе место вышла «Самсунг» (*Samsung*) – 16,4% [38].

Но даже с усечёнными внешними рынками Пекин не утратит способности к сопротивлению США. Например, на экспорте товаров и услуг китайская экономика в 2020 г. заработала 2,7 трлн долл., а весь ВВП КНР составил 14,7 трлн долл. [39]. Как полагают в американских экспертных кругах, китайское руководство выберет комбинацию жёстких и мягких инструментов. С одной стороны, будут символические знаки готовности к компромиссу, с другой – Пекин, возможно, будет шантажировать Вашингтон нападением на Тайвань, стараясь убедить, что экономическая война против Китая развязывает ему руки против Тайваня [Hass R., 2021].

Американские аналитики в поисках сценариев противостояния обращаются к холодной войне США с СССР. Совокупная экономическая мощь советского блока была несравнимо меньше той, которой располагает Пекин. На пике своего развития советский ВВП составлял около 40% ВВП США. КНР же может обогнать США по ВВП после 2028 г. Хотя США сохраняют преимущество в технологиях, однако и Китай в отличие от СССР сам является центром технологической мощи. В разгар холодной войны США и СССР имели паритет по ядерным вооружениям, который гарантировал взаимное уничтожение. С Пекином ситуация иная. КНР имеет доступ к технологиям помимо США, но серьёзно уступает в ядерном потенциале, а значит, сдерживание КНР с помощью конвенциональных средств имеет смысл. У СССР был Варшавский блок, но союзники не отличались надёжностью и требовали больших расходов. Если вынести за скобки Россию, у Пекина сегодня нет ни слабых, ни верных союзников, а его соседи также ищут защиты США. Они почти также близко расположены к КНР, как страны Западной Европы к границам России, что делает их удобным форпостом США (например, для размещения ракет средней дальности). Теоретически возможен сценарий «разделяй и властвуй» – не допустить стратегического сближения Пекина и Москвы, но за 15 лет продвинуться в этом направлении Вашингтону не удалось.

У Вашингтона остаются надежды на изменение внешнеполитического курса со сменой китайского руководства [Friedberg A.L., 2020: 14]. Но конфронтация с США не приведёт к дестабилизации китайского режима, который ещё больше зацементируется в «осаждённую крепость». К дестабилизации вряд ли приведут и события, аналогичные восстанию на площади Тяньаньмэнь, или гипотетическая китайская «перестройка». Тем не менее, Вашингтон не бросает китайских диссидентов, в Конгрессе США рассматривается законопроект «О предоставле-

нии политического убежища жителям Гонконга». Те, кто пытается покинуть Гонконг из-за страха политических преследований, не встретит проблем с получением визы США. Комиссия Конгресса по контролю американско-китайских отношений в области экономики и безопасности предлагает влиять на китайский режим изнутри: способствовать свободе журналистов, онлайн-СМИ, НПО, свободному доступу к информации, социальным сетям и мобильным приложениям от американских компаний, а также добиваться свободы контактов и передвижения дипломатов, возможности обмена мнениями с общественностью.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Критические уязвимости Китая, по сути, коренятся в причинах его возвышения: доступ к современным технологиям, западным инвестициям, международному рынку. В Вашингтоне нет готового ответа на вопрос, насколько далеко следует идти в гипотетическом военном конфликте с КНР. Даже освобождение архипелага Спратли или Парасельских островов от китайского присутствия не восстановит декларируемую «свободу судоходства в международных водах». Пекин сможет противодействовать американскому флоту с материковой части, имея меньшее логистическое плечо и большие оперативные возможности. Ближайшие базы США значительно удалены (на островах Гуам и Окинава). Нет ответа на вопросы ближайшего будущего: готовы или нет США воевать с КНР в случае оккупации Тайваня; готовы ли разместить на Тайване серьёзные силы, чтобы предупредить нападение. Пока Пекин демонстрирует своими агрессивными действиями в отношении Тайваня, что готов быть принципиально «жестким». За этим может стоять расчёт вынудить Вашингтон на определённые договорённости, новые «красные линии», расчёт «достигнуть мира путём борьбы».

Какие-либо меры по сдерживанию военно-технологического, сырьевого или рыночного свойства не смогут серьёзно ослабить КНР, в том числе из-за готовности России помочь её экономике и ВПК. Эффективно балансировать Китай можно только, затрудняя его связи с внешними рынками. Такую возможность могут дать экономические санкции, для введения которых нужен серьёзный повод, например, обвинение в агрессии. Вашингтону пришлось бы решать вопрос о собственных издержках – насколько цена соответствует результату сдерживания. Идеологический ярлык «реваншистской коммунистической силы» будет снят, если Китай удовлетворится прежней ролью мировой «сборочной фабрики» и откажется от амбиций завоевать контрольные высоты в мировой экономике. Интеграция Китая в глобальное разделение труда пошло не по американскому плану. Не к пользе США, а за их счёт. Это и есть китайский ревизионизм американского мирового порядка.

ИСТОЧНИКИ

1. Sevastopulo D. U.S. vs China: Biden bets on alliances to push back against Beijing. *Financial Times*. March 4 2021. Available at: <https://www.ft.com/content/cf71feb2-297f-4e3a-8627-b89931cc6a80> (accessed 20.04.2021).

2. U.S. Department of State. Secretary Antony J. Blinken, Secretary of Defense Lloyd Austin, Japanese Foreign Minister Toshimitsu Motegi, and Japanese Defense Minister Nobuo Kishi at a Joint Press Availability. IIKURA GUEST HOUSE, TOKYO, Japan, March 16, 2021. Available at: <https://www.state.gov/secretary-antony-j-blinken-secretary-of-defense-lloyd-austin-japanese-foreign-minister-toshimitsu-motegi-and-japanese-defense-minister-nobuo-kishi-at-a-joint-press-availability> (accessed 20.04.2021).
3. Churchill, Owen. U.S. officials now call Xi Jinping 'general secretary' instead of China's 'president' – but why? *South China Morning Post*. 25 July 2020. Available at: <https://www.scmp.com/news/world/united-states-canada/article/3094669/us-officials-switch-calling-chinas-xi-jinping> (20.10.2020).
4. 习近平在周边外交工作座谈会上发表重要讲话强调 (Xi delivered an important speech at a symposium on diplomatic work around the world; Си Цзиньпин выступил на форуме с важной речью о дипломатической работе в соседних странах. 26 октября 2013) *People's Daily Online*. Available at: <http://cpc.people.com.cn/n/2013/1026/c64094-23333683.html> (accessed 20.10.2020).
5. H. R. 116-565 - Intelligence authorization act for fiscal year 2021. 116th Congress (2019-2020). Committee Views Regarding China. Available at: <https://www.congress.gov/congressional-report/116th-congress/house-report/565/1?q=%7B%22search%22%3A%5B%22rising+China%22%5D%7D&s=3&r=1> (accessed 20.04.2021).
6. The White House. Renewing America's Advantages. Interim National Security Strategic Guidance. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/03/NSC-1v2.pdf> (accessed 20.04.2021).
7. USC U/S-China Institute, Talking Points, December 16-30, 2009. Available at: <https://china.usc.edu/talking-points-december-16-30-2009> (accessed 15.10.2021)
8. Office of the United States Trade Representative, April 2018, Under Section 301 Action, USTR Releases Proposed Tariff List on Chinese Products. Available at: <https://ustr.gov/about-us/policy-offices/press-office/press-releases/2018/april/under-section-301-action-ustr> (accessed 10.10.2021).
9. U.S., China Strike Trade Deal, Ending Threat of Protective Tariffs. *Caixin*. August 9, 2018. Available at: <https://www.caixinglobal.com/2018-05-20/us-china-strike-trade-deal-ending-threat-of-protective-tariffs-101253055.html> (accessed 11.10.2021).
10. Wei, Han; Qi, Zhang. Trade War Back on Stage With New U.S. Tariffs. *Caixin*. June 15, 2018. Available at: <https://www.caixinglobal.com/2018-06-15/us-imposes-tariffs-on-50-billion-of-chinese-imports-101271958.html> (accessed 11.10.2021).
11. Chen Yawen, Lawder David. China says Trump forces its hand, will retaliate against new U.S. tariffs. Reuters. September 18, 2018. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-usa-trade-china-tariffs/trump-slaps-tariffs-on-200-billion-in-chinese-goods-threatens-267-billion-more-idUSKCN1LX2M3> (accessed 15.10.2021).
12. Hunter L. Clark, Wong Anna. Did the U.S. Bilateral Goods Deficit With China Increase or Decrease During the US-China Trade Conflict? Federal Reserve Board. June 21, 2021. Available at: <https://www.federalreserve.gov/econres/notes/feds-notes/did-the-us-bilateral-goods-deficit-with-china-increase-or-decrease-during-the-us-china-trade-conflict-20210621.htm> accessed 16.10.2021).

13. Trade Agreements. U.S.-China Phase 1 Agreement. American Farm Bureau Federation. Available at: <https://www.fb.org/issues/trade/trade-agreements> (accessed 25.10.2021).
14. Instant View: China's economic growth slows to 6.1% in 2019, near 30-year low. *Reuters*. January 17, 2020. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-china-economy-gdp-instantview-idUSKBN1ZG092> (accessed 21.10.2021).
15. Top counterintelligence official Mike Orlando on foreign espionage threats facing U.S. - "Intelligence Matters". *CBS News*. May 12, 2021. Available at: <https://www.cbsnews.com/news/foreign-espionage-threats-u-s-intelligence-matters-podcast/> (accessed 12.12.2021)
16. Boustany Charles W. and Friedberg Aaron L. Partial Disengagement: A New U.S. Strategy for Economic Competition with China. The National Bureau of Asian Research. Special Report. No. 82. November 4, 2019. Available at: https://www.nbr.org/wp-content/uploads/pdfs/publications/sr82_china-task-force-report-final.pdf (accessed 21.10.2021).
17. Desiderio Andrew. Senate advances a rare bipartisan deal on countering China. *Politico*. 2021-06-10. Available at: <https://www.politico.com/news/2021/05/17/senate-bipartisan-deal-countering-china-489152> (accessed 22.10.2021).
18. U.S. expands blacklist to include China's top AI startups ahead of trade talks. *Reuters*, Oct 7, 2019. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-usa-trade-china-exclusive/u-s-expands-blacklist-to-include-chinas-top-ai-startups-ahead-of-trade-talks-idUSKBN1WM25M> (accessed 26.11.2021).
19. F.B.I. Bars Some China Scholars From Visiting U.S. Over Spying Fears. *The New York Times*. 14 April 2019. Available at: <https://www.nytimes.com/2019/04/14/world/asia/china-academics-fbi-visa-bans.html> (accessed 26.11.2021).
20. U.S.-China Economic and Security Review Commission. Comprehensive List of the Commission's Recommendations. Available at: https://www.uscc.gov/sites/default/files/2020-12/2020_Comprehensive_List_of_Recommendations.pdf (accessed 26.11.2021).
21. 112th Congress Public Law 10. Department of Defense and Full-Year Continuing Appropriations Act, 2011. Stat. 38. P. 125. Available at: <https://www.congress.gov/112/plaws/publ10/PLAW-112publ10.htm> (accessed 06.11.2021).
22. U.S. Department of Justice, China Initiative, 2018. *Fact Sheet*. Available at: <https://china.usc.edu/sites/default/files/article/attachments/doj-2018-china-initiative-fact-sheet.pdf> (accessed 16.11.2021).
23. China's newest weapons of war. *CBS News*. April 13, 2017. Available at: <https://www.cbsnews.com/pictures/chinas-newest-weapons-of-war/27> (accessed 29.11.2021).
24. How China's Economic Aggression Threatens the Technologies and Intellectual Property of the United States and the World. White House Office of Trade and Manufacturing Policy. June 2018. Available at: <https://www.hsdl.org/?abstract&did=812268> (accessed 20.11.2021).
25. 习近平提战略构想：“一带一路”打开“筑梦空间” (Xi Jinping on strategic conception: "belt and road" opens "dreamspace"; Си Цзиньпин: «Один пояс и один путь» открывает новые горизонты мечты) *People.CN*, 08.11.2014. Available at: <http://politics.people.com.cn/n/2014/0811/c1001-25439028>. (accessed 16.11.2021).

26. Pacific Deterrence Initiative. Available at: https://comptroller.defense.gov/Portals/45/Documents/defbudget/FY2022/fy2022_Pacific_Deterrence_Initiative.pdf (accessed 27.11.2021).
27. Kathleen J. McInnis. Evaluating DOD Strategy: Key Findings of the National Defense Strategy Commission. CRS. March 19, 2019. Available at: <https://sgp.fas.org/crs/natsec/IF11139.pdf> (accessed 26.11.2021).
28. U.S. Department of State. U.S. Relations with China. Bureau of East Asian and Pacific Affairs. May 12, 2021. Available at: <https://www.state.gov/u-s-relations-with-china> (accessed 15.10.2021).
29. Ankit Panda. U.S., India, Australia, Japan 'Quad' Holds Senior Officials Meeting in Bangkok. *The Diplomat*. November 05, 2019. Available at: <https://thediplomat.com/2019/11/us-india-australia-japan-quad-holds-senior-officials-meeting-in-bangkok> (accessed 28.11.2021).
30. Россия помогает Китаю создать систему предупреждения о ракетном нападении. ТАСС, 3.10.2019. Available at: <https://tass.ru/armiya-i-opk/696139> (accessed 28.11.2021).
31. Interview: AUKUS security partnership reflects Cold War mentality, zero-sum mindset, says Pakistani senator. *Xinhua*. 2021-10-01. Available at: http://www.xinhuanet.com/english/asiapacific/2021-10/01/c_1310221954.htm (accessed 11.11.2021).
32. Coal may account for 44% of China's energy mix by 2030. Eenerdata. 25 Jun 2021. Available at: <https://www.enerdata.net/publications/daily-energy-news/coal-may-account-44-chinas-energy-mix-2030.htm> (accessed 08.11.2021).
33. China's Economy: Current Trends and Issues. C RS January 12, 2021. Available at: <https://sgp.fas.org/crs/row/IF11667.pdf> (accessed 29.11.2021).
34. U.S. intel agencies failing to counter threat from China, says House Intelligence Committee report. *NBCNews*, September 30, 2020. Available at: <https://www.nbcnews.com/politics/national-security/u-s-intel-agencies-failing-counter-threat-china-says-house-n1241417> (accessed 09.11.2021).
35. Hanania Richard. There Is No Thucydides Trap Between the U.S. and China, Real Clear Defense. 8 June 2020. Available at: https://www.realcleardefense.com/articles/2020/06/08/there_is_no_thucydides_trap_between_the_us_and_china_115359.html?mc_cid=c2be98be31&mc_eid=d3ed9e75dc (accessed 09.11.2021).
36. 習近平：實現了首個百年奮鬥目標 全面建成小康社會. RTHK. news.rthk.hk (Xi Jinping: the first 100-year goal of comprehensively building a prosperous society has been achieved; Си Цзиньпин: первая цель 100-летнего плана всестороннего построения благополучного общества достигнута). 02.07.2021. Available at: <https://news.rthk.hk/rthk/ch/component/k2/1598607-20210701.htm> (accessed 19.11.2021).
37. Trend Force Reports Top 10 Ranking of Global Semiconductor Foundries of 2017, TSMC Ranks First with Market Share of 55.9%. *press.trendforce.com*. 29 November 2017. Available at: <https://www.trendforce.com/presscenter/news/20171129-9922.html> (accessed 09.11.2021).
38. TSMC dominance as the world's largest chipmaker explained. *Tech Wire Asia*. 4 February 37, 2021. Available at: <https://techwireasia.com/2021/02/the-dominance-of-the-worlds-largest-chipmaker-tsmc> (accessed 08.11.2021).

39. China GDP. Trading Economics. 2021. Available at: <https://tradingeconomics.com/china/gdp> (accessed 06.11.2021).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бочарова А., Козлов В. О. Пути развития отношений США и Китая в контексте дискурса американских элит // *США & Канада: экономика – политика – культура*. 2021. № 10. С. 91-107. Available at: <https://usacanada.jes.su/s268667300016900-0-1/> (accessed 14.10.2021). DOI: 10.31857/S268667300016900-0

Клименко А. Ф. Факторы стратегического партнёрства России и Китая: сдерживание США или провокация? // *США & Канада: экономика – политика – культура*. 2021. № 8. С. 92-96. Available at: <https://usacanada.jes.su/s268667300016029-1-1-ru/> (accessed 11.10.2021). DOI: 10.31857/S268667300016029-1

Труш С.М. КНР – США: некоторые особенности и аспекты нарастающего конфликта // *США & Канада: экономика – политика – культура*. 2020. № 12. С. 45-61. Available at: <https://usacanada.jes.su/s268667300012647-1-1/> (accessed 11.10.2021). DOI: 10.31857/S268667300012647-1

Юй Чжочао. Размышления об отношениях Китая и США // *США & Канада: экономика – политика – культура*. 2021. № 9. С. 106-113. Available at: <https://usacanada.jes.su/s268667300016436-9-1/> (accessed: 14.10.2021). DOI: 10.31857/S268667300016436-9

REFERENCES

Allison, G. *Destined for War: Can America and China Escape Thucydides's Trap?* – New York, Houghton Mifflin Harcourt, 2017.

Bocharova, A., Kozlov, V. "Tracks of US-China Relations' Development in the Context of the discourse of the American elites." *USA & Canada: Economics – Politics – Culture*. 10 (2021):91-107. DOI: 10.31857/S268667300016900-0

Chollet, D., Edelman E., Flournoy, M., Hadley, S., Indyk, M., Jones, B., Kagan, R., Silverberg, K., Sullivan, J., and Wright, T. *Building "situations of strength". A national security strategy for the United States*. The Brookings Institution. February 2017. <https://www.brookings.edu/research/building-situations-of-strength/>

Chong, T., Li, Xiaoyang. Understanding the China-US trade war: causes, economic impact, and the worst-case scenario. *Economic and Political Studies*. Volume 7, 2019 - Issue 2: A Special Issue on Sino-US Trade War, P. 185-202.

Foot, R.; King, A. Assessing the deterioration in China-U.S. relations: U.S. governmental perspectives on the economic security nexus. *China International Strategy Review*. March 2019.

Friedberg, A. An Answer to Aggression: How to Push Back Against Beijing. *Foreign Affairs*. Sept-Oct 2020, Vol. 99 Issue 5, p150, 14 p.

Hanania, R. There Is No Thucydides Trap Between the U.S. and China, *Real Clear Defense*. 8 June 2020. Available at:

https://www.realcleardefense.com/articles/2020/06/08/there_is_no_thucydides_trap_between_the_us_and_china_115359.html?mc_cid=c2be98be31&mc_eid=d3ed9e75dc

Hass, R. China Is Not Ten Feet Tall. *Foreign Affairs*. March 3, 2021. Available at:

<https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2021-03-03/china-not-ten-feet-tall>

Klimenko, A. Factors of Strategic Partnership Between Russia and China: Deterrence of the U.S. or Provocation? *USA & Canada: Economics – Politics – Culture*. 8 (2021):92-96. DOI: 10.31857/S268667300016029-1

Peters, M., Green, B., Chunxiao Mou, Hollings S., Ogunniran M., Rizvi F. (Open Review). U.S.–China Rivalry and ‘Thucydides’ Trap’: Why this is a misleading account. *Educational Philosophy and Theory*. 10 Aug 2020. DOI:

doi.org/10.1080/00131857.2020.1799739. Available at:

<https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/00131857.2020.1799739>

Putnam, R.D. Diplomacy and Domestic Politics: The Logic of Two-Level Games, International Organization. 1988, 42(3). Pp. 427-460.

Schweller, R.L. Neorealism's Status-Quo Bias: What Security Dilemma? *Security Studies*. 1996. 5. No. 3. Pp. 90-121.

Snyder, J.L. Myths of Empire: Domestic Politics and International Ambition. Ithaca. New York. Cornell University Press. 1991.

Trush, S. "China – U.S.: Characteristics and Aspects of the Escalating Conflict."

USA & Canada: Economics – Politics – Culture. 12 (2020):45-61. DOI:

10.31857/S268667300012647-1

Umetsu, H. (1 June 1996). "Communist China's entry into the Korean hostilities and a U.S. proposal for a collective security arrangement in the Pacific offshore island chain". *Journal of Northeast Asian Studies*. 15 (2): 98–118.

Walt, S. "Yesterday's Cold War Shows How to Beat China Today". *Foreign Policy*. 29 July 2019. Available at: <https://foreignpolicy.com/2019/07/29/yesterdays-cold-war-shows-how-to-beat-china-today/>

Wilson, V. "China's Reach Has Grown; So Should the Island Chains". ASIA MARITIME TRANSPARENCY INITIATIVE. Center for Strategic and International Studies. 12 November 2020. Available at: <https://amti.csis.org/chinas-reach-grown-island-chains/>

Yu, Zhuochao. Reflections on China-US Relations. *USA & Canada: Economics – Politics – Culture*. 9 (2021):106-113. DOI: 10.31857/S268667300016436-9

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ГРАФОВ Дмитрий Борисович, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Российская Федерация, 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12

Dmitry B. GRAFOV, Cand. Sci. (Political), Senior Research Fellow, Institute of Oriental studies of the Russian Academy of Sciences.

12 Rozdestveka, Moscow 107031 Russian Federation

Статья поступила в редакцию / Received 25.10.2021.

Статья поступила после рецензирования / Revised 15.11.2021.

Статья принята к публикации / Accepted 20.11.2021.